

Litera

Правильная ссылка на статью:

Го И., Николаева О.В. Намек в парадигме коммуникативной лингвистики // Litera. 2024. № 10. DOI:

10.25136/2409-8698.2024.10.71155 EDN: EKRYOC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71155

Намек в парадигме коммуникативной лингвистики

Го Индун

ORCID: 0009-0006-1235-5783

кандидат филологических наук

аспирант; Восточный институт - Школа региональных и международных исследований;
Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Кампус Двфу, корпус Д, ауд. 913

✉ go.in@dvfu.ru**Николаева Ольга Васильевна**

доктор филологических наук

доцент; кафедра романо-германской филологии; Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Кампус Двфу, корпус Д, ауд. 913

✉ nikolaeva.ov@dvfu.ru[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.10.71155

EDN:

EKRYOC

Дата направления статьи в редакцию:

29-06-2024

Аннотация: Особое внимание уделяется аналитическому обзору исследований категории намёка как инструмента непрямой коммуникации. В настоящее время люди в социальной коммуникации всё чаще используют косвенные речевые акты для передачи информации и эмоций, однако между учеными разных лингвистических парадигм и разных стран существуют более очевидные различия в определении намёка и методах исследования. В рамках лингвистической парадигмы в центре внимания исследований намёков по-прежнему находятся определение и классификация. Рассмотрены концепции в рамках разных парадигм и их дихотомий: семиотики и семантики, семантики и

прагматики психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики. Задачами данного исследования являются: 1) обобщение степени изученности категории намёка учеными Китая, России и западных стран в рамках лингвистической парадигмы; 2) сравнение и сопоставление методологических принципов и приемов исследования намёка. Кроме того, основываясь на результатах исследования, в статье уделено особое внимание изучению подсказок в рамках лингвистической прагматики. В данном исследовании были использованы следующие методы исследования: описательный метод, сопоставительный анализ и метод обобщения. Особым вкладом автора в исследование темы является: 1) представление различных пониманий определения категории "намек". В лингвистической прагматике намёк – это речевой акт, косвенно передающий информацию и эмоции и влияющий на состояние адресата; 2) выявление критериев классификации намёка. Критерии сосредоточены на двух аспектах: "контекст" и "интенция"; 3) определение типов и видов намеков. Выделены разные формы намека в диалогических репликах и текстовых фрагментах. Новизна данного исследования заключается в том, что оно указывает на интегративную роль лингвистической прагматики в изучении косвенных речевых актов. Кроме того, установлена природа разных типов намека, исходя из объективных и субъективных факторов, то есть разных интенций говорящего и контекстов.

Ключевые слова:

объективный намёк, субъективный намёк, интенция, прагматические аспекты, коммуникативная лингвистика, лингвистическая прагматика, непрямая коммуникация, речевой акт, контекст, классификация намёка

Введение

Настоящее исследование в широком смысле посвящено проблемным вопросам не прямой коммуникации. Актуальность исследования связана, прежде всего, с обращением к современной парадигме коммуникативной лингвистики. Социальный запрос на изучение процессов коммуникативного взаимодействия в социумах и между социумами, критического его осмысления и выделения его закономерностей в условиях огромного информационного потока породил высокий научный интерес к разным видам вербальной коммуникации.

Особым вниманием отмечены виды и типы не прямой коммуникации. В.В. Дементьев отмечает, что никакая коммуникация не обходится без не прямой коммуникации, без дополнительной смысловой нагрузки, которая требует дополнительных интерпретативных усилий адресата [\[8, с.425\]](#). Коммуникативная лингвистика как синергетическое направление применяет широкий спектр междисциплинарных исследовательских парадигм для комплексного исследования проблем скрытого смысла.

Актуальность изучения не прямой коммуникации связана и с практической необходимостью распознавания неявной персуазивности для формирования навыка критического осмысления информационного потока, идентификации манипулятивных технологий. Современная коммуникация на разных языках и в разных форматах все чаще отходит от прямых директивных формул и прибегает к более утонченным и неявным способам передачи смысла.

В рамках обширного исследовательского поля не прямой коммуникации категория

«намек» заслуживает отдельного изучения, а ее природа и сущность рассматривается с точки зрения семантики, психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвистической прагматики, и других направлений.

Цель данной статьи – выполнить аналитический обзор лингвистических концепций, выдвигаемых для изучения категории «намёк» как средства не прямой коммуникации.

Задачами настоящего исследования являются:

обобщение степени изученности категории «намёк» в лингвистических парадигмах;

сравнение и сопоставление методологических принципов и методик анализа намёка.

Методы исследования включают описательный метод, сопоставительный анализ и метод обобщения.

Намек в свете современной коммуникативной мультипарадигмы

Коммуникативная лингвистика обрела статус синергетического направления, осуществляющего поиск закономерностей современной коммуникации в рамках как традиционных парадигм, или их дихотомий, так и посредством формирования новых междисциплинарных парадигм.

Средства не прямой коммуникации, например, получили рассмотрение в дихотомии подходов семиотики и семантики, или в дихотомии семантики и прагматики.

Опираясь на идеи Э. Бенвениста о дихотомии семиотики и семантики, В.В. Дементьев отмечает, что «значения, выражаемые единицами языка, являются гораздо менее прямыми, чем значения, выражаемые символами формализованных кодов. Явления не прямой коммуникации могут трактоваться как проявление «несемиотического начала в языке, принадлежности языка к системам особого, "семантического" типа» [\[8, с.376\]](#). В дихотомии семиотики и семантики, по Э. Бенвенисту, семиотическое, представленное знаками, должно быть узнано, а семантическое, представленное в речи, должно быть понято [\[3, с.69–89\]](#).

В дихотомии семантики и прагматики рассматривается понимание и анализ слов и предложений в конкретных речевых ситуациях в отличие от их смысловых инвариантов. В свете этой дихотомии средства не прямой коммуникации являются категориями прагматики. Так, например, говоря о намеке, М.М. Кадар замечает, что для понимания намёков недостаточно только значения слов, необходимо также знание особенностей речевой ситуации, информации об ее участниках, даже их настроении в момент речи. Эти прагматические факторы способствуют значительно более глубокому пониманию намёка [\[10, с.4\]](#).

Среди междисциплинарных подходов, в рамках которых изучаются средства не прямой коммуникации, каковым является и намек, следует отметить направления психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики и другие.

Так, в рамках психолингвистического направления намек изучается с точки зрения речевого производства с акцентом на интенциях говорящего и речевосприятия в ракурсе рутинного интенс-анализа слушающего.

В процессе речевого производства речевая интенция определяется мотивом говорящего и определяет коммуникативную цель высказывания. Интенция имеет волевую установку,

планирование воздействия на адресата и последующего взаимодействия с ним, предвидение возможного результата взаимодействия [\[17, с.263; 19, с.97\]](#). Намек – это косвенный метод воздействия на психологию и поведение людей в неконфронтационных условиях согласно интенциям собеседника [\[13, с.2\]](#). Таким образом, интенция говорящего должна быть доступна для интерпретации слушающего.

М. Грин экспериментально подтверждает, что неопределенность и неясность слов и высказываний (в отличие от точных, ясных и детальных) со стороны говорящего ведет к снижению психических и ментальных усилий на их интерпретацию со стороны слушающего: «A possible benefit for vagueness in cooperative situations is that vague expressions may be easier for the hearer to process than precise expressions. <... > We shall refer to this characterisation of the utility of vague language as the 'cost reduction hypothesis'» [\[33, с.23\]](#). Подчеркивается, что снижение когнитивной нагрузки сопровождается снижением когнитивной бдительности [\[34, с.530–538; 37, с.560–572\]](#).

Вследствие этого, парадигму когнитивной лингвистики также используют в качестве теоретической основы изучения намёка. Понимание намёка носителями языка является функцией их собственного когнитивного механизма. В диссертации «Исследование символов с точки зрения когнитивной лингвистики» китайский ученый Ван Сяоцзин пишет, что знаковый (языковой) намёк – это символ [\[5, с.38\]](#), а его интерпретация осуществляется как реакция когнитивной системы слушающего.

Психолингвистика и когнитивная лингвистика предоставляют значимую теоретическую основу для изучения намёка, которую существенно дополняет парадигма социолингвистики.

Намёк часто встречается в повседневной неформальной коммуникации или, напротив, в официальном общении, где требуется соблюсти вежливость и этикет, в таких видах коммуникации, как, например, дипломатическое общение или политические выступления.

Так, в сфере политики намёк рассматривают как один из методов политического манипулирования [\[27, с.220\]](#). Намек может быть реализован через преобразование информации, ее искажение, утаивание, ее тенденциозную подачу, все это является приметой современного политического дискурса [\[18, с.202–209\]](#). Это свидетельствует о том, что намёк играет важную роль в политическом дискурсе. А.В. Антонова полагает, что при реализации политического манипулирования необходимо учитывать специфику массового сознания [\[1, с.79–83\]](#).

Формы и частотность употребления намека зависят от культуры каждой страны [Федерика Коминетти (Federica Cominetti), Дориана Чиммино (Doriana Cimmino) 31, с.61]. Так, китайские ученые отмечают, что косвенные речевые акты (намёки) обусловлены историей развития китайской речевой культуры и используются не только в целях реализации категории вежливости [\[25, с.31–32\]](#). Намёк является неотъемлемой частью традиционной высококонтекстной китайской речемыслительной традиции, поэтому косвенные выражения в китайском дискурсе чрезвычайно распространены.

Все названные междисциплинарные направления вносят существенный вклад в формирование теоретических основ исследования намека, создавая комплексное мультипарадигмальное исследовательское поле. При этом лингвистическая прагматика, вероятно, объединяет разные подходы единой проблематикой.

Исследование намёков не может быть отделено от контекста и интенции, которые находятся в центре внимания прагматики. Джордж Юл [George Yule] определяет прагматику с точки зрения среды и цели использования языка, Дженни Томас [Jenny Thomas] – в категориях и терминах динамической коммуникации, а Джеф Вершуерен [Jef Verschueren] – с точки зрения комплексного взгляда на функционирование языка. Хотя каждое из этих определений имеет свой собственный фокус, общим является то, что все они вращаются вокруг центра “значения в языковой коммуникации”.

Как отметила З.Л. Новоженова, прагматическая нагруженность языковых знаков в тексте и дискурсе определяется эмоциональными, эмоционально-оценочными, модально-волевыми и другими факторами [\[15, с.6\]](#). Другими словами, прагматика изучает не только смысловое содержание высказываний, но и их цель, намерения, эмоциональность, обстоятельства общения, т.е. все аспекты общения, связанные с влиянием субъектов коммуникации друг на друга. Подобные аспекты могут быть непосредственно связаны с особенностями личности каждого коммуниканта, с отношениями между ними, а также с ситуацией общения [\[16, с.4 – 9\]](#).

Намек в лингвистической прагматике

В области прагматики существуют разночтения в трактовке самой категории намёк и в выделении их типов и видов.

Рассмотрим проблему определения намёка. Так, намек в трудах западных ученых чаще всего ассоциируется с отказом от “принципа сотрудничества” Н.Р. Грайса [Grice]. По его мнению, в процессе общения людей обе стороны диалога сознательно или бессознательно следуют определенным принципам, чтобы эффективно сотрудничать для выполнения коммуникативной задачи. «Принцип кооперации» в разговоре, по Грайсу, определяется количественными, качественными, реляционными и модальными критериями. Сигналы возникают, когда люди нарушают данные критерии [\[32, с.41-58\]](#). Это послужило основой для разработки теории ассоциаций [\[38, с.40-41\]](#) и совместной компонентной модели коммуникации (the Conjoint Co-Constituting Model of Communication) [\[29, 119-154; 30, с.121-150\]](#).

В трудах российских учёных намёк трактуется двояко. Одни представляют более традиционную точку зрения, согласно которой слушающий является пассивным получателем подсказки, а говорящий – активной стороной [\[9, с.376\]](#).

Е.П. Штукатурова анализирует намёк на трех уровнях: уровне иллокуции, локуции и перлокуции, и результаты показывают, что в выражении намёка отношения между “уровнем иллокуции” и “уровнем локуции” очень тесные [\[28, с.92, 100\]](#).

Другой взгляд заключается в том, что при намёке говорящий и слушающий взаимодействуют [\[22, с.35-73\]](#). Так, И.Ю. Артёмова отмечает, что намёк – это форма, предполагающая передачу интенциональных смыслов от говорящего к слушающему с расчётом на их извлечение последним в виде импликаций. Намёк квалифицируется как изменение информационного состояния собеседника и изменение акционального состояния собеседника [\[2, с.8\]](#). Предполагается, что слушатель обладает достаточным когнитивным пространством, личным опытом и формирует свою собственную интерпретацию семантики дискурса, заполняя пробелы в дискурсе. Таким образом, дискурсу придается особый смысл [\[36, с.33-34\]](#).

Взгляды китайских ученых, как и российских, делятся на две категории: с одной стороны, намек рассматривается как некая трансцендентная связь между формой и содержанием дискурса, которая помогает повысить эффективность высказывания [\[7, с.388\]](#).

С другой стороны, китайские учёные по-прежнему определяют намёк в аспекте речевых актов, признавая, что существенное отличие намёка от других речевых актов заключается в том, что намёк способен «влиять на поведение адресата», т.е. уровень перлокуции. Намёк и влияние на поведение адресата тесно связаны [\[6, с.12; 20, с.16\]](#).

Итак, намёк рассматривается как речевой акт. Приведенные выше определения намёка в прагматике различаются, главным образом, с точки зрения отношений между адресатом и адресантом. Среди двух основных точек зрения первая определяет намек как речевой акт говорящего, в то время вторая указывает на то, что намёк возникает в результате сотрудничества говорящего и собеседника. Вторая точка зрения согласуется с позицией западных ученых.

Тем не менее, конкретные факторы и условия, при которых адресат понимает намёк, всё ещё находятся в процессе дальнейшего изучения. Кроме того, ограниченность рецептивных способностей адресата не может исключить возможность неудачи интерпретации намёка в коммуникации,

Являясь косвенным речевым актом, намёк, не получивший ответа от адресата, может, тем не менее, трактоваться как намёк.

Таким образом, намёком является один из видов косвенных речевых актов, который может непрямым способом передавать информацию и эмоции, влияя на состояние адресата.

Типология намёка

Способы выражения намека различны в разных языках и контекстах, культурах разных стран и не могут быть едиными. Не существует единой классификации намека, типы намека выдвигаются по разным основаниям. Так, основываясь на трактовке намёка как нарушения «принципа кооперации» Н.Р. Грайса, Дж. Лич предложил «принцип вежливости» как объяснение нарушения «принципа сотрудничества». Теория «вежливости» сформировала вежливость как особый вид намека [\[35, с.84 –110\]](#).

В диссертации Н.А. Качаловой на материале немецкого языка выделяется четыре категории намека: намек-упрек, намек-совет, намек-предупреждение, намек-угроза в зависимости от интенций говорящего [\[11, с.23\]](#).

И.Ю. Артемова развивает категории намека до шести: намек-указание, намек-осуждение, намек-убеждение, намек-возражение, намек-согласие, намек-просьба [\[2, с.156–157\]](#).

Российские ученые В.Н. Кондрашова и А.Г. Поспелова также отметили, что намёк может использоваться для выражения упреков, угроз, жалоб, сообщений, которые могут обидеть адресата, комплиментов, просьб и советов [\[12, с.108\]](#).

Китайский ученый Сунь Жукэй классифицировал намёк так: эвфемизм, косвенность, символизм, иронию, сходство и антитезу [\[21, с.29–30\]](#).

Цянь Гуанлянь разделяет намёк на следующие виды: соблюдение этикета, отказ от комплиментов, комплименты, отношение к адресату как к третьему лицу, высказывание своего мнения через слова третьего лица, критика на поверхности, но похвала в реальности, похвала на поверхности, но критика в реальности, изложение точки зрения через нарратив [\[26, с. 164\]](#).

Таким образом, одни учёные уделяют больше внимания конкретным контекстам, а другие – интенциям говорящего. Это позволяет сделать вывод, что типология намёка должна сосредоточиться не только на контексте, но и на интенции. Как отметил китайский учёный Хэ Чжаосюн, говорящий, совершающий речевые акты, всегда выражает свое отношение и состояние души к содержанию высказывания [\[24, с.348\]](#).

Итак, способ выражения намека определяется контекстом и интенцией. В зависимости от интенции и контекста намёк может подразделяться на «интенциональный намек», передающий «выразимое значение», и «эстетический намек» как транслятор «невыразимого значения» [\[14, с.68\]](#).

С одной стороны, «выразимое значение» представляет собой интенции, которые должны быть выражены неявно и эвфемистично. Этот вид намёка также является наиболее распространенным типом.

А.Н. Баранов делит намёк на истинный и регулярный, регулярный намёк легко распознается адресатом как выражение вежливости, сообщение реализуется только в косвенной грамматической форме [\[4, с.46–50\]](#).

С другой стороны, «невыразимое значение» представляет собой особые эмоции, чувства контекста говорящих. Эта точка зрения согласуется с мнением Цзэн Пина [\[25, с.31–32\]](#) о том, что намёк часто используется в высоких контекстах, таких как официальные выступления, чтобы отразить выразительные способности языка”, и с мнением А.Н. Баранова [\[4, с.46–50\]](#) о том, что истинный намёк, то есть намёк, скрытый в высказывании, заключается в том, что «слушающий должен подозревать наличие определенного намерения, например, намерения вызвать или раскрыть определенное убеждение» [\[23, с.144\]](#)”.

Обобщая сказанное, сделаем вывод, что в зависимости от контекста и интенции классификация намёка может включать две основные категории: субъективный намёк и объективный намёк. Субъективный намёк трактуется как речевой акт, используемый в определенном контексте с интенцией субъективно усилить эмоциональный эффект предложения. Объективный намёк представляется как речевой акт, используемый в определенном контексте, поскольку говорящий по каким-то причинам не может предоставить точную информацию, и поэтому пассивно изменяет предложение на косвенное выражение.

Заключение

В данной статье обобщены и проанализированы определения и типы намёка как средства непрямой коммуникации в рамках различных лингвистических парадигм.

Лингвистическая прагматика признана комплексной теоретической платформой для исследования намёка, способной интегрировать разные концепции и предложить оптимальный категориальный аппарат.

В лингвистической прагматике намёк трактуется как один из видов косвенных речевых актов, непрямым способом передающий информацию и эмоции, влияющий на состояние адресата.

Сделан вывод, что изучение намеков в основном сосредоточено на двух аспектах – “контексте” и “интенции”. По этим двум критериям выделяются основные типы намёка: объективный намёк и субъективный намёк.

Библиография

1. Антонова А. В. Свойства массового сознания как мишени речевой манипуляции (на примере текстов предвыборных выступлений британских политиков) // Политическая лингвистика. 2010. №1. С. 79-83.
2. Артёмова И. Ю. Намёк в русском устном межличностном дискурсе: прагмасемантический аспект // дисс. ... к. филол. н. СПб., 2014. С. 8.
3. Бенвенист Э. Семиология языка // Общая лингвистика. М., 1974. С. 69-89.
4. Баранов А.Н. Намёк как способ косвенной передачи смысла // Труды международной конференции «Диалог 2006». С. 46-50.
5. Ван Сяоцзин. Исследование символов с точки зрения когнитивной лингвистики // Гуансийский университет, 2013. С. 38.
6. Вэй Чжунлан. Исследование речевого акта намека в китайском языке // Цзинаньский университет, 2008. С. 12.
7. Ван Сицзе, Китайская риторика // Пекин: Коммерческое издательство. 2014. С. 388.
8. Дементьев В.В. Основы теории не прямой коммуникации // Дисс. ... д-ра филол. наук, 2001. С. 376.
9. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация // М. : Гнозис, 2006. С. 376.
10. Кадар М. М. Эмотивность намеков в русском речевом взаимодействии // дисс. ... к. филол. н. Государственный институт русского языка им. Пушкина. 2015. С. 4.
11. Качалова Н. А., Прагматилистические средства выражения намека в политическом дискурсе (на материале русскоязычной и немецкоязычной прессы) // дис. ... к. филол. н. Саратов, 2013. С. 23.
12. Кондрашова (Козьмина) В. Н., Поспелова А. Г. Прагматический диапазон намеков в английской коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №4-3 (58). С. 108.
13. Люкшина Д.С., Капустина Т.В., Садон Е.В., Кадыров Р.В. Личностный, социальный и поведенческий компоненты эмоционального выгорания у врачей (на примере исследования врачей Приморского края) // Психолог. 2023. № 6. С. 1-15. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.6.69063 EDN: HZYRWM URL: https://e-notabene.ru/psp/article_69063.html
14. Лу Юйцин. Исследование перевода намеков в литературных произведениях // Докторская диссертация. Нанкайский университет, 2011. С. 68.
15. Новоженова З. Л. Глагольное предложение: прагматика vs. семантика, прагматика vs. грамматика // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. №1. С. 6.
16. Путина, О. Н. Речевая коммуникация: прагматический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. С. 4-9.
17. Приходько О. Н. Интенциональность деятельности индивида // МНКО. 2012. №5. С. 263.
18. Сергеева Е. В. Приемы манипулятивного воздействия в политическом дискурсе (на материале ораторских произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина) // Политическая лингвистика. 2006. №19. С. 202-209.

19. Седов К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика. 2005. №6. С. 97.
20. Сунь Сюна, Исследование русского намека с точки зрения прагматики // Чанчуньский университет науки и технологии, 2022. С. 16.
21. Сунь Жукэй, Намёк в китайской риторике // Исследование риторики, 2001(05). С. 29-30.
22. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века : сборник статей – Москва : Институт языкознания РАН, 1995. С. 35-73.
23. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М., 1986. С. 144.
24. Хэ Чжаосюн, Новый конспект по прагматике // Шанхай: Шанхайское издательство по изучению иностранных языков, 2000. С. 348.
25. Цзэн Пин. Прямая и косвенная культурная ориентация // Преподавание иностранных языков. 2000(01). С. 31-32.
26. Цянь Гуанлянь, Прагматика китайской культуры (второе издание) // Издательство Университета Цинхуа, 2002. С. 164.
27. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса // М:ИТДГК "Гнозис". 2004. С. 220.
28. Штукатурова Е.П. Временная соотнесенность вербализованной и невербализованной ситуации в намеках (на материале немецкого языка) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. №2. С. 92-100.
29. Arundale, Robert, An alternative model and ideology of communication for an alternative to politeness theory // Pragmatics 9, 1999. С. 119-154.
30. Arundale, Robert, Good, David, Boundaries and sequences in studying conversation // Linguistics Meets Conversational Interaction. 2002. С. 121-150.
31. Federica Cominetti et al. Manipulative impact of implicit communication: A comparative analysis of French, Italian and German political speeches // Discourse Analysis: 2023. С. 61.
32. Grice, H.P. Logic and conversation // In: Cole, P. and Morgan, J., Eds., Syntax and Semantics, Academic Press, New York, 1975. С. 41-58.
33. Green M. J. Van Deemter K .Vagueness as Cost Reduction : An Empirical Test // Production of Referring Expressions workshop at CogSci. 2011. С. 23.
34. Hornby P.A. Surface structure and presupposition. J Verbal Learn Verbal Behav: 1974. 13(5). С. 530-538.
35. Haugh, Michael, The co-constitution of politeness implicature in conversation // JOURNAL OF PRAGMATICS. 2006. С. 84-110.
36. Karpchuk, Nataliia. Adresovanist v ofitsiinomu ta neofitsiinomu anhlomovnomu dyskursi // Lutsk: Vezha, 2006. С. 33-34.
37. Loftus E.F. Leading questions and the eyewitness report // Cogn Psychol: 1975. 7(4). С. 560-572.
38. Sperber, Dan, Wilson, Deirdre, Relevance. Communication and Cognition // Oxford, 1995. С. 40-41.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый труд, как отмечает автор, в широком смысле посвящен проблемным вопросам не прямой коммуникации. Актуальность же исследования связана, прежде всего, с обращением к современной парадигме коммуникативной лингвистики. Отмечено

в частности, что «коммуникативная лингвистика обрела статус синергетического направления, осуществляющего поиск закономерностей современной коммуникации в рамках как традиционных парадигм, или их дихотомий, так и посредством формирования новых междисциплинарных парадигм». Соглашусь, что «социальный запрос на изучение процессов коммуникативного взаимодействия в социумах и между социумами, критического его осмысления и выделения его закономерностей в условиях огромного информационного потока породил высокий научный интерес к разным видам вербальной коммуникации». Исследования в данном русле интересны, нетривиальны, востребованы. Таким образом, работа органично вплетается в научный диалог указанной предметно-тематической области. Цель работы сводится к аналитическому обзору лингвистических концепций, выдвигаемых для изучения категории «намёк» как средства не прямой коммуникации. Автор достаточно четко сформулировал ряд задач, которые ступенчато решаются по ходу работы. Считаю, что методика исследования актуальна, противоречий современным принципам научных изысканий нет. Ссылки / цитации даются в режиме унификаций: «Опираясь на идеи Э. Бенвениста о дихотомии семиотики и семантики, В.В. Дементьев отмечает, что «значения, выражаемые единицами языка, являются гораздо менее прямыми, чем значения, выражаемые символами формализованных кодов. Явления не прямой коммуникации могут трактоваться как проявление «несемиотического начала в языке, принадлежности языка к системам особого, "семантического" типа» [8, с.376]. В дихотомии семиотики и семантики, по Э. Бенвенисту, семиотическое, представленное знаками, должно быть узно, а семантическое, представленное в речи, должно быть понято [3, с.69–89]», или «М. Грин экспериментально подтверждает, что неопределенность и неясность слов и высказываний (в отличие от точных, ясных и детальных) со стороны говорящего ведет к снижению психических и ментальных усилий на их интерпретацию со стороны слушающего: «A possible benefit for vagueness in cooperative situations is that vague expressions may be easier for the hearer to process than precise expressions. <... > We shall refer to this characterisation of the utility of vague language as the 'cost reduction hypothesis'» [33, с.23]. Подчеркивается, что снижение когнитивной нагрузки сопровождается снижением когнитивной бдительности [34, с.530–538; 37, с.560–572]» и т.д. Стиль работы соотносится с собственно научным типом: например, «психолингвистика и когнитивная лингвистика предоставляют значимую теоретическую основу для изучения намёка, которую существенно дополняет парадигма социолингвистики. Намёк часто встречается в повседневной неформальной коммуникации или, напротив, в официальном общении, где требуется соблюсти вежливость и этикет, в таких видах коммуникации, как, например, дипломатическое общение или политические выступления», или «Другой взгляд заключается в том, что при намёке говорящий и слушающий взаимодействуют [22, с.35–73]. Так, И.Ю. Артёмова отмечает, что намёк – это форма, предполагающая передачу интенциональных смыслов от говорящего к слушающему с расчётом на их извлечение последним в виде импликаций. Намёк квалифицируется как изменение информационного состояния собеседника и изменение акционального состояния собеседника [2, с.8]. Предполагается, что слушатель обладает достаточным когнитивным пространством, личным опытом и формирует свою собственную интерпретацию семантики дискурса, заполняя пробелы в дискурсе. Таким образом, дискурсу придается особый смысл [36, с.33–34]» и т.д. Термины и понятия, которые используются по ходу работы, введены с учетом унифицированных коннотаций. Думаю, что выводы по ходу работы могли быть более объемными, так как перспектива изучения проблемы «намёка» интересна и значима. Сам автор отмечает это не раз. Библиографический список объемён, полновесен; системный принцип выдержан по всему тексту, серьезных замечаний нет; основные требования издания учтены. Данная работа имеет как практическое, так и

теоретическое значение, материал уместно использовать при изучении ряда лингвистических дисциплин. Рекомендую рецензируемую статью «Намек в парадигме коммуникативной лингвистики» к открытой публикации в научном журнале «Litera».